

Цинь Шо с трудом выплыл из беспамятства. Веки налились свинцовой тяжестью, глаза нестерпимо ломило, но сквозь пелену он все же разглядел пляшущие впереди отсветы пламени.

Когда зрение прояснилось, он понял, что лежит в пещере. За входом давно стусилась ночная темень. Прямо перед ним, уютно потрескивая и рассыпая искры, горел костер, сложенный из сухих веток и палой листвы.

Цинь Шо потряс головой, пытаясь разогнать туман в мыслях. События последних часов упорно ускользали, распадаясь на смутные фрагменты. Он лишь смутно помнил, как летел в бездну, а в ушах звенел чей-то странный голос. Кажется, тот говорил о каком-то «завершенном задании»...

«Но чье это было задание? И что еще за „первая ключевая точка“?»

«Неужели ради этого его так настойчиво заставляли участвовать в Великом собрании бессмертных?»

Цинь Шо потер виски, пытаясь связать воедино разрозненные зацепки. Вчерашние чужие мысли, которые ему удалось подслушать, кишели непонятными терминами вроде «захвата» и «очков благосклонности». Очевидно, он сам стал для младших братьев заветной добычей. А если вспомнить, как разительно отличались их сладкие речи от ядовитого мысленного шепота, становилось ясно: ни одному из тех, чьи помыслы он читал, верить нельзя.

По всему выходило, что под подозрением остаются трое.

Нежный, ластившийся к нему младший брат; холодный, властный жених — Бессмертный Меч; и, наконец...

Тот хитрый лис.

Признаться, лис не вызывал у Цинь Шо неприязни, но в его положении доверие превратилось в непозволительную роскошь. Оказавшись загнанным в угол, он не мог положиться ни на одну живую душу.

К тому же без подсказки колокольчика мысли этой троицы оставались для него тайной за семью печатями. Пойди разбери, кто из них друг, а кто злейший враг.

Да и кто толкнул его в ущелье?

Осенившись внезапной догадкой, Цинь Шо принялся лихорадочно осматривать себя. К его изумлению, если не считать изорванного одеяния, он был цел и невредим — на теле не отыскалось ни единой царапины.

А ведь в секунду падения его пронзила такая дикая боль, что, казалось, кости разлетятся в пыль.

Мысли окончательно прояснились, уступая место холодному расчету. Сорвись он в пропасть по-настоящему, очнулся бы на гряде острых камней, а вовсе не в сухой пещере у костра.

Значит, кто-то успел его перехватить?

Стоило этой мысли оформиться, как у входа послышались неторопливые шаги. Из полумрака донесся знакомый насмешливый голос:

— Очнулся? А я уж грешным делом подумал, что мы больше не увидимся, достопочтенный заклинатель Цинь.

Едва завидев в отсветах пламени копну огненно-рыжих волос, Цинь Шо почувствовал, как невидимые тиски, сжимавшие грудь, разжались. Сердце вдруг затопила странная, щемящая тоска, словно они расстались много лет назад.

— Ты... спас меня? — хрипло выдавил он.

Лянь Чжао фыркнул и демонстративно отвернулся:

— Еще чего, сдался ты мне. Я спал и видел, как ты расшибешься в лепешку! Сколько раз тебе говорено было? Веришь каждому встречному поперечному, а мои слова мимо ушей пропускаешь. Ну и каков итог? Вину на тебя навесили, Браслеты, Сковывающие Бессмертных нацепили, Меч Сокровенного Света отобрали, да и жизни чуть не лишили.

Услышав про Меч Сокровенного Света, Цинь Шо спохватился и заозирался по сторонам, но тут же вздрогнул от резкого металлического звона. Меч упал прямо к его ногам.

— С твоей расторопностью ты бы его до скончания веков искал, — проворчал Лянь Чжао.

Мрак за стенами пещеры становился все гуще. Лянь Чжао подошел ближе к костру, сел рядом с Цинь Шо и принялся лениво подбрасывать в огонь сухие ветки.

— Ну и дурак же ты, — негромко вздохнул он, глядя на пляшущие языки пламени. — Веришь любой чепухе, которую тебе вешают на уши. И за что мне это наказание? Такой же недотепа, как и тот, кого я знал когда-то.

Цинь Шо не имел ни малейшего понятия, о ком идет речь, но по лицу лиса понял: тот не шутит.

— И кто же он? — невольно вырвалось у него. — Младший брат Бай?

— Да сотня твоих Бай Юев его мизинца не стоят, — хмыкнул Лянь Чжао.

Он поворошил угли длинным прутом. Огонь вспыхнул с новой силой, выхватывая из темноты его точеный профиль.

— Я не похож на свору твоих преданных собратьев по ордену. На этого вашего Бай Юя мне плевать с высокой колокольни.

В Цинь Шо проснулось любопытство.

— Тогда ради кого ты ввязался во все это?

— Пообещай, что не станешь смеяться, — Лянь Чжао повернулся к нему. Уголки его губ привычно изогнулись в лукавой усмешке, но взгляд оставался непривычно серьезным. — Я делаю это ради собственного сна.

Цинь Шо нахмурился, не понимая, к чему он клонит.

— Что еще за сон?

Лянь Чжао устремил взор на тлеющие угли, словно силился разглядеть в них ускользающие образы.

— Сон, который тает без следа, стоит мне открыть глаза, — тихо обронил он. — В нем всегда один и тот же человек. Я... безумно по нему тоскую. Больше всего на свете мне хочется увидеть его наяву хотя бы разок. Но все вокруг твердят, что это лишь пустые фантазии, и никакого мужчины никогда не существовало.

Эти слова заставили Цинь Шо внутренне содрогнуться. В памяти мгновенно ожило собственное сновидение, явившееся ему после первой встречи с Лянь Чжао, — образ бесприютного лиса с обрубленным хвостом.

Неужели загадочный незнакомец из его собственных грез и есть тот, кого так отчаянно ищет этот лис?

— Знаешь, мне ведь тоже... — начал было Цинь Шо, колеблясь, стоит ли делиться сокровенным.

Однако Лянь Чжао перебил его, вновь возвращаясь к действительности:

— Но знаешь, в чем ирония? Его я так и не отыскал. Зато наткнулся на тебя.

Цинь Шо промолчал, чувствуя, как лицо у него каменеет. Напустив на себя равнодушный вид, он опустил голову и принялся усердно разгребать золу сухой веткой.

— Хочешь сказать, мы с ним похожи?

Лянь Чжао мягко улыбнулся — без привычной язвительности.

— В моих снах его лица не разглядеть. Но вы одного телосложения, да и повадками схожи. Разве что он куда рассудительнее тебя.

На Цинь Шо вдруг накатило странное, несвойственное ему желание поддразнить собеседника. Он вскинул голову и пытливо взглянул на лиса:

— А если я и есть тот самый человек?

— Исключено, — отрезал Лянь Чжао. — Он благороден и честен до глубины души. Он ни за что не стал бы...

Осекшись на полуслове, лис прикусил язык, поняв, что сболтнул лишнее.

— Не стал бы таким ничтожеством, как я, верно? — безжалостно закончил за него Цинь Шо.

Костер продолжал весело потрескивать, но между ними словно выросла ледяная стена. Лянь Чжао сидел опустив голову, храня угрюмое молчание. Наконец он глухо выдавил:

— Я вовсе не пытаюсь сделать из тебя его тень.

Цинь Шо, не оборачиваясь, бросил в пламя очередную сухую щепку.

— Разумеется. В твоих глазах я недостоин даже этого.

Разговор окончательно зашел в тупик. На каменной стене пещеры, освещенная бледным лунным светом, беспокойно металась тень лисьего хвоста. Цинь Шо присмотрелся, и по спине его пробежал холодок: то ли ему померещилось от усталости, то ли хвостов у Лянь Чжао действительно осталось восемь вместо привычных девяти.

— Стало быть, и ко мне ты подобрался неспроста, — негромко произнес Цинь Шо.

Голос его звучал на удивление ровно. Сквозь марево костра ему вдруг почудились призрачные очертания ушедших дней.

— Помнится, ты обмолвился, будто я ударил тебя во второй раз. Когда же был первый? Не тогда ли, когда ты крупно обвел меня вокруг пальца?

— Вовсе я тебя не обманывал... — Лянь Чжао замялся, в его интонациях проскользнуло непривычное замешательство, но он тут же упрямо вскинул подбородок: — По крайней мере, сейчас я с тобой предельно честен.

— К чему тогда все эти благодеяния? — Цинь Шо повернулся и в упор посмотрел на лиса. — Какую выгоду ты ищешь? Говори прямо, чего тебе от меня надо?

Столь прямой натиск застал лиса врасплох. Лянь Чжао на секунду опешил, лишившись своего обычного лоска, но тут же лукаво склонил голову набок и прищурился:

— С чего вдруг такие расспросы?

Цинь Шо протянул ладони к огню. Почувствовав, как кожу обдаёт спасительным жаром, он заговорил ещё тише:

— Ты ведь не ждешь, будто я поверю, что ты печешься обо мне из чистой симпатии? Это глупо. Давай разложим карты на стол. Какова твоя цена и чем я могу расплатиться? А взамен ты расскажешь мне все, что тебе известно о моем прошлом. О том времени, которое стерлось из моей памяти.

Лянь Чжао во все глаза смотрел на него. На мгновение ему почудилось, будто перед ним вновь стоит тот самый человек — непоколебимый, сильный и грозный. На губы лиса набежала горькая усмешка.

— Раз уж ты сам заговорил об этом... — Лянь Чжао отвел взгляд. — Тебе ведь известно, что в Павильоне Сокрытого Оружия Безжалостной обители хранится редкое сокровище — Колокольчик, Призывающий Сны?

— Да, не так давно Ваньчэнь упоминал о нем... — Цинь Шо осекся, внезапно сообразив, к чему клонит собеседник. — Тебе нужен Колокольчик, Призывающий Сны?

— Когда-то очень хотел, — кивнул Лянь Чжао. — До того, как в Безжалостной обители воцарился этот кавардак, за Павильоном Сокрытого Оружия приглядывал ты, и дела велись на диво исправно. Но стоило твоему шицзуню уйти в затворничество, как тебя словно подменили. Ты стал вспыльчивым, жестоким. Ранил нескольких собратьев по ордену, но упрямо все

отрицал, пытаясь свалить вину на беднягу Бай Юя. Ты бился в истерике перед старейшинами, вопил, как безумный, что кругом одни лжецы и предатели, которые спят и видят, как бы сжить тебя со свету.

В груди Цинь Шо что-то болезненно екнуло — будто отозвалось эхо старой раны.

— И что было дальше? — глухо спросил он.

— В ту пору я частенько крутился возле Павильона Сокрытого Оружия, надеясь поживиться колокольчиком. Так мы с тобой и познакомились. Слово за слово, притерлись друг к другу... — Лянь Чжао замялся, подбирая слова, его певучий голос сделался тише. — Я не знаю, как именно ты лишился памяти. Помню лишь, что той ночью лил проливной дождь. Ты был тяжело ранен, едва держался на ногах. Весь в крови, ты приполз к пещере затворничества своего учителя, упал на колени и долго, отчаянно колотил в закрытые каменные ворота, захлебываясь слезами...

Цинь Шо низко опустил голову, так что лица его стало не разглядеть. В неверных сполохах костра зловеще багровел старый шрам, прятанный за ухом.

— Что случилось потом?

— А вот об этом история умалчивает, — Лянь Чжао вскинул на него лукавый взгляд и мягко улыбнулся. — По крайней мере, до тех пор, пока я не получу свою плату.

Цинь Шо все понял. Он поднял взгляд, прямо посмотрев в лицо лису:

— Колокольчика тебе уже мало. Чего еще ты хочешь?

Тень на стене дрогнула и поползла в сторону, разрастаясь и принимая истинные, пугающие очертания демонического облика. Заплясали, извиваясь, призрачные лисьи хвосты.

Лянь Чжао придвинулся ближе. В его расширившихся изумрудных зрачках хищно отразилось пламя костра. Каждое слово он ронял весомо, точно натягивая тетиву:

— Мне нужна твоя... кровь из самого сердца.

<http://bllate.org/book/20094/1998488>